

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (470)

Нечаев В.В.¹

**ФОРМИРОВАНИЕ КАЗАЧЬЕГО ГАРНИЗОНА
В КОЗЛОВЕ В XVII ВЕКЕ**

независимый исследователь, г. Владивосток

Nechaev V.V.

**THE FORMATION COSSACK'S GARRISON IN KOZLOV
IN THE XVIIth CENTURY**

Independent researcher, Vladivostok

Реферат: В отечественной историографии существует точка зрения, согласно которой подразделения полковых казаков в приграничных городах Юга в XVII в. формировались из представителей нижних слоев населения. Однако исследование ранее неизвестных документов показывает, что так было не всегда. На протяжении существования гарнизона в полковые казаки записывались выходцы из различных групп населения, в том числе крестьянства и детей боярских. Свое существование в Козлове полковые казаки фактически прекратили в первой четверти XVIII в. Служилые казаки, не попавшие в однодворцы во время первой ревизии, остались вне сословия. Правительство признавало казачество неоднородным в социальном отношении: выделяло в нем однодворцев казачьего происхождения и просто казаков.

Ключевые слова: город Козлов, слободы, гарнизон, полковые казаки, дети боярские, помещики.

Abstract: The topic of this article is the social origin of the regimental Cossacks of the garrison of Kozlov town. According to Russian historiography, regimental Cossack units in the border towns of the South in XVII century formed from representatives of the low strata of population. However, a study of previously unknown documents shows that it wasn't always this way. Throughout garrison existence, people from various groups, including peasantry and the deti boyarskie were registered as regimental Cossacks. In the first quarter of the XVIII century, the Cossacks ceased to exist as a separate social group. The Cossack class was heterogeneous.

Key words: Kozlov town, settlements, garrison, regimental Cossacks, deti boyarskie, landlords.

¹ **Нечаев Владимир Васильевич** - старший советник юстиции, прокурор в отставке; email: nechaevvasilich@mail.ru

Вопросам формирования в XVII в. в городах Белгородской черты гарнизонов историками уделено значительное внимание. На эту тему известны работы О.В. Дудиной, В.П. Загоровского, Д.А. Ляпина, Ю.А. Мизиса, Н.Н. Петрухинцева и др. ученых. В работах уделено внимание и мобилизационным ресурсам при создании стрелецко-казачьего гарнизона в Козлове. Однако, конкретно в отношении козловских полковых казаков исследования носят побочный или фрагментарный характер. Опираясь на работы историков, ранее неизвестные архивные документы, предпримем попытку реконструировать процесс формирования подразделения полковых казаков на примере Полковой Пригородной и Заворонежской слобод.

Формированию в Козлове подразделения полковых казаков Разрядным приказом уделялось особое внимание. В первые годы строительства города, заселения уезда они являлись основной силой, способной обеспечить безопасность населения, сохранность оборонных сооружений. По царскому указу от 5 сентября 1635 г. воеводам И. В. Биркину и М. И. Спешневу предписывалось из «всяких вольных и охочих людей» набрать в гарнизон казаков конных 300, стрельцов пеших 200, стороже-

вых казаков 60, пушкарей и затинщиков 20, плотников, кузнецов, воротников 10 человек [4, с. 98]. Набор казаков в городскую службу осуществлялся стрелецкими и казачьими головами. Одними из первых в Козлове в этой должности известны П. Быков, П. Красников, В. Фиглев. Вследствие малочисленности местного населения набрать такое число ратников на месте было невозможно. При комплектовании гарнизона по указанию правительства добровольцев набирали в соседних уездах. В этих целях летом 1636 г. в южные города были направлены грамоты с призывом в Козлов «охочих людей от отцов детей, и от братьи братьев и от зятьев племянников и соседей и захребетников, и всяких вольных людей»..., которые «в городах не в службе и не в тягле и не крепостные...». В этническом и социальном отношении личный состав состоял из представителей различных групп населения находившихся вне службы и тягла. Проникали нелегально и закрепощенные крестьяне. Люди шли в Козлов в надежде устроиться на службу, повысить свой социальный статус, получить землю, подъемные деньги. При не развитости производства и рыночных отношений предоставляемые переселенцам

льготы, государево жалованье, материальная помощь для многих служилых людей в то время были важным источником существования. Поэтому, «вольные охочие люди» часто записывались на службу и не «по чину», чему способствовало отсутствие между различными категориями служилых людей четких словесных граней [7, с. 77]. При формировании казачьего подразделения правительство пошло на большие расходы. Полтора сотням полковых казаков в 1636 г. было выдано по 8 руб. на «селитьбу и на дворовое строение» [20]. По тем временам это были большие деньги. Помимо денежного жалованья оказывалась помощь хлебом, семенами, предоставлением за счет государства оружия. Система льготных мер дала положительные результаты. Подразделение козловских полковых казаков было сформировано довольно скоро. В целях быстрого подъема по тревоге их поселили в Полковой Пригородной, Заворонежской слободах компактно. В разные периоды XVII в. численность казаков была неодинаковой, но две с половиной сотни превышала редко (полковые казаки Бельского городка в сфере наших исследований не входят).

В отечественной историографии существует точка зрения, согласно которой гарнизоны городов Юга

России формировались в основном из крестьян, в том числе беглых. Однако, доля каждой группы в общем числе переселенцев за отсутствием статистических сведений историками не определена. В настоящее время некоторые выводы о социальном происхождении полковых казаков можно уточнить на основании новых опубликованных документов. Но прежде остановимся на положении крестьянства.

В первой половине в XVII в. крестьяне в России подразделялись на две основные группы: тяглых, «пахавших крестьянскую пашню» на государственных землях; и тяглых владельческих, работавших на землях крупных феодалов, помещиков, монастырей, церковных иерархов. Пользуясь правом перехода, крестьяне часто меняли место жительства, что создавало для землевладельцев экономические проблемы. Для их удержания правительство право ухода постепенно ограничивало. Было введено правило, по которому крестьяне могли покинуть землевладельческие земли при исполнении определенных обязательств и в установленные сроки за неделю до Юрьева дня (26 ноября) и неделю после него. То есть, владельческие крестьяне находились в стадии неполного закрепощения. Самовольно покинувшие земли признавались

беглыми, подлежали розыску и возвращению на прежнее место. Начиная с середины XVII в. условия возврата неоднократно менялись. Сроки сыска увеличивались, а затем стали не ограниченными. Считается, что с этого времени владельческие крестьяне были закрепощены [29, с. 185]. Хотя в полной собственности у землевладельцев крестьяне пока не находились. По Соборному Уложению 1649 г. их запрещалось продавать, переселять без земель.

В годы строительства Козлова во дворах крестьян других уездов проживало много не записанных в тягло детей, братьев, зятьев, племянников и прочих родственников. Многочисленности крестьянских дворов способствовали сохранение родовых взаимоотношений, высокая рождаемость. Как указывает В.И. Сергеевич, закрепощение сыновей и родственников глав крестьянских семей началось с 1646 г., а учет крестьян в особых книгах Поместного приказа был установлен после принятия Соборного Уложения [29, с. 187]. Регистрация в фискальных целях всего мужского населения крестьянских дворов утвердилась только с 1678 г. [2, с. 106-117]. То есть, до последней четверти века крестьяне возможность улучшения своего социального положения еще имели. В условиях недостатка людей нечеткость

формулировок в указах по-своему толковали и воеводы. В 1645 г. усманский воевода С. Вельяминов просил Разрядный приказ разъяснить: "...принимать ли ему на службу детей и племянников казачьих и стрелецких, отцы и дядья которых положены в тягло". Сообщал, что часть принятых им в полковые казаки "вольных людей" вышестоящий воронежский воевода А. Бутурлин держал в тюрьме для возвращения в крестьянство, а некоторых помещикам уже возвратил. Лишение несостоявшихся «казаков» свободы получило широкую огласку. В Воронеж и другие укрепления поступление "охочих, вольных людей» прекратилось. О результатах рассмотрения в Разряде отметки на документе нет [1, № 256, с.163]. Правительство в силу противоречивого отношения к приему на службу крестьян публичные разъяснения давало не всегда. Вмешивалось только в случаях грубых перегибов.

Указы о привлечении крестьян на службу в гарнизон Козлова не известны. Не известны также и указы, запрещающие привлекать их в гарнизон на службу казаками, стрельцами и прочими служилыми людьми по прибору. Поскольку свободных крестьян в Козлове не было, их приток мог быть только из соседних уездов. По исследованиям Д.А. Ля-

пина в категорию свободных крестьян попадали: родственники глав семей, вольные члены крестьянских дворов, «отпущенники» [6, с. 180-181]. По нашему мнению к категории свободных крестьян следует отнести и освободившихся из плена. Рассмотрим каждую категорию отдельно.

Факты поступления крестьян на службу во многих случаях приходится устанавливать на основе косвенных доказательств. Выходцы из крестьян при поступлении на службу часто позиционировали себя казаками, а в качестве фамилий использовали географические наименования мест выхода. Например, назвавшийся казаком крестьянин Алаторского уезда в списках от 20 февраля 1636 г. воеводами г. Козлова был записан под прозвищем «Алаторец». Помимо него в этих же списках учтены служилые люди из крестьян Казанец, Курмышанин, Ряшенин, Суздалец, Шатченин [4, с. 99]. Согласно Десятни денежной раздачи 1637 г. Мартемьян Александров с. Невзоров, Максим Прокофьев с. Меняков, Селуян Семенов с. Янков жили у неслужилых братьев в Воронежском уезде и Ельце. Путила Иванов с. Копылов - в Рязском уезде у отца. Проживание в уездных поселениях у неслужилых родственников указывает на крестьянское

происхождение. Недосказанность о происхождении служилых людей в документах по Козлову – явление распространенное.

Потенциальными кандидатами на казачьи и стрелецкие места в Козловском гарнизоне являлись «отпущенники» и бывшие «полоняники». К первым относились холопы и крестьяне, получившие от землевладельцев «отпускные» и договорные документы («крепости»), на основании которых была ограничена свобода. Хотя такие случаи были крайне редкими. Возможно, к отпущенникам из крестьян следует отнести и тех, кто нашел себе замену в несении тягла. По правилам того времени замена тяглецов с передачей всех обязанностей перед государством и землевладельцем допускалась. Нашедший себе замену крестьянин мог претендовать на государственную службу [6, с. 181]. Бывшие полоняники, их жены и дети освобождались от «крепостей» землевладельца со времен боярского приговора 1634 г. [11, прим. к ст.4, с. 33-34]. Но освобождение сопровождалось бюрократической процедурой с выдачей на руки заверенной печатью "льготной грамоты". За получением грамоты, как и за материальной помощью "за полное терпение", необходимо было обращаться в московские приказы, где по об-

стоятельствам пленения проводились проверки. Это требовало времени и расходов на проживание в Москве. То есть, "выбивание" положенного по силам было не многим.

Полоняники из беглых холопов по освобождению подлежали возвращению в прежнее состояние. Факты записи в козловские служилые люди отпущенников, вышедших из плена крестьян, встречаются редко. Уход крестьян на государеву службу даже на законных основаниях часто встречал со стороны помещиков и односельчан неодобрение, нередко и противодействие. Так, одними из первых поступили в Козлове на службу крестьяне С. Князев «со товарищи» из поместья Б. Плещеева в с. Богородицком Лебедянского уезда. Судя по всему, крестьяне от каких-либо обязательств перед помещиком были свободны и поступили на службу на законных основаниях. Тем не менее, в 1637 г. «новописьменные» полковые казаки вынуждены были обратиться с жалобой на действия односельчан, удерживающих принадлежащие им посеы ржи. Право на владение посевами ущемлялось с одобрения помещика [12, ст.92, с.111]. Негативное отношение к переселению наблюдалось и в других уездах.

В отношении беглых крестьян правительство в разные периоды

проводило политику в зависимости от потребностей и военной обстановки. В период активного строительства по Белгородской черте и острой нехватки служилых людей, при рассмотрении исков феодалов о выдаче беглых, правительство вынуждено было учитывать в первую очередь интересы государства по обеспечению обороны южных рубежей. На это обращал внимание еще А.А. Новосельский [9, с. 306-308]. В этот период правительство в отношении крестьян, в том числе беглых, проводило относительно лояльную политику. По Соборному Уложению 1649 г. розыску подлежали бежавшие после его принятия. Затем срок был перенесен на 1653 г. В целях защиты "от разволоки" поступивших на службу крестьян и холопов, правительство временами принимало меры по легализации их положения. Например, судные дела о возвращении беглых по подсудности подлежали рассмотрению в Разрядном приказе, где у бывших крепостных было больше гарантий защиты своих прав. Превалировали интересы государства в этот период и в Козлове. Например, в 1636 г. помещик Иван Бобрищев-Пушкин в челобитной просил царя дать указание воеводе Козлова И.В. Биркину не принимать в служилые и «жилецкие» люди его крестьян Ромашку Тиханого да

Сеньку Гребцова. Ходатайство удовлетворено не было. Беглый крестьянин С. Гребцов положил в Козлове начало служилой династии полковых казаков Гриб(п)цовых [22, ст.121, л.18]. Суд отказал в удовлетворении иска капитану солдатского строя Л.Г. Желтухину о возвращении ему Алексея и Кузьму Сазыкиных. Отказ обосновал тем, что полковы казаки Сазыкины поступили на службу до 1653 г. [13, ст. 862, с. 119]. В целях получения информации об исполнении указания о сохранении кадров служилых людей в Козлове Разрядный приказ в 1636 г. истребовал от воеводы «отписку» (докладную) о приеме в служилые люди беглых крестьян и холопов с указанием перечня рассмотренных дел и «поручных записей» [12, ст. 121, прим., с. 139]. Смягчение требований к поступающим на службу предоставляло воеводам возможность смягчать проблему недостатка кадров. По подсчетам исследователя Брайна Дэвиса доля беглых в составе козловского гарнизона в 1639 г. составляла 12,2 % [14, с. 22]. К 1670 г. в Козлове дел об отдаче записавшихся в службу беглых крестьянах скопилось множество. В связи с волокитой и неопределенностью своего положения группа беглых даже обращалась с челобитной о передаче их дел для рассмотрения в Москве.

После возведения укреплений Белгородской черты натиск феодалов-крепостников усилился. В архивах сохранилось множество челобитных дворян и детей боярских, обвинявших воевод, московских чинов и даже церковников в нарушении их прав на владение крестьянами. Правительство вынуждено было принять меры. На места для розыска беглых зачастили сыщики. В Козлове сыски проводили С. Нестеров (1656-57 гг.), А. Дубасов (1667-68 гг.), А. Еропкин (1663-69 гг.), Р. Матов и подьячий Г. Неклюдов (1669-70 гг.). Выявленные беглые возвращались в прежнее состояние.

В целях получения данных о числе возвращенных в крестьянство из Полковой Пригородной и Заворонежской слобод нами исследованы: Список с писцовых подлинных книг Козловского уезда письма и меры кн. Д. Несвицкого (1651-52 гг.); Сметная книга воеводы В.Н. Лихарева (1657-59 гг.); Сметный список воеводы И.А. Вельяминова (1664-65 гг.); Разборная книга служилых людей Козловского уезда (1669 г.). По состоянию на 1665 г. в обеих слободах несли службу 202 человека, а в период с 1651 по 1669 г. служили в разные годы 1045 полковых казаков [27]. Большая часть из них выбыла в результате верстания в дети боярские, записи в полки нового строя,

бегства, смерти и прочих причин. Полковых казаков из беглых в указанных документах обнаружено 63 человека. Однако, эти показатели заслуживают критической оценки, поскольку сделаны на основании неполного пакета документов, которые безвозвратно утрачены. Тем не менее, при всех статистических погрешностях следует признать, что к 1669 г. указанная Брайн Дэвисом доля беглых в козловском гарнизоне в 1639 г. (12,2%) сократилась на половину. Главная причина сокращения - ужесточение мер крепостнического характера.

Имена большинства возвращенных в крепостное состояние сохранились. Например, в 1669 г. во время смотра козловских полковых казаков был выявлен беглый крестьянин Евсик Семенихин. На его место головой Ф. Курасовым был записан Василий Еремеев с. Нечаев. Брат Евсика - Григорий Семенихин был возвращен помещику двумя годами раньше. Некоторые возвращались семьями, несмотря на длительные сроки службы. Так, служивший с 1655 г. полковой казак Матюшка Топорков был возвращен боярину Ю.А. Долгорукому после восьми лет службы [24, л. 370]. Особое усердие в сыске и возвращении беглых проявлял сыщик А. Еропкин. По результатам его пребывания в Козлове в

документах о полковых казаках появилось множество записей типа: «Пронька Иванов с. Говоров в 172 г. отдан во крестьянство прежнему помещику, а двор его пуст»; «Сенька Овдеев с. Соколов в 173 г. сбежал с женою и детьми, а двор его пуст» [24, л. 505]. Хотя, имела место и другая тенденция: выдачу беглых не поддерживали заинтересованные в приобретении рабочих рук козловские помещики. Например, длительное время держал в своем поместье в с. Турмасово беглого крестьянина кн. Ф.И. Селиховский. Семнадцать беглых крестьян укрывал в Стаевой Поляне стрелецкий голова Петр Красников. Аналогичные примеры не единичны.

Очередной зигзаг в политике правительства в отношении беглых крестьян произошел в преддверии Русско-турецкой войны (1676-1681гг.). В правительстве стал известен факт выдачи помещику в 1674 г. острогожским воеводой А. Соковниным солдата К. Резанцева. Действия А. Соковнина получили осуждение. Воеводам городов, в том числе Козлова С.С. Колтовскому, были направлены грамоты с предписанием о запрещении возвращать помещикам служилых людей, происшедших из крестьян и холопов без царского указа. Было вновь подтверждено, что дела о возвращении в

холопство и крестьянство подлежат рассмотрению только в Москве. В отношении воевод, действовавших вопреки установленного правила, предусматривались меры наказания, в том числе материального характера. При возвращении восстановленных в службу воеводы обязывались перевозить их на собственных подводах, а убытки в пользу потерпевших с виновных взыскивались в двойном размере [10, с. 360].

По окончании войны натиск помещиков-крепостников на правительство усилился. В коллективной челобитной от 18 ноября 1682 г. дворяне и дети боярские (более 350 подписей) на имя царя писали: "А воеводы в тех украинских городех людям нашим и крестьянам беглым велят жить для своей корысти" [28, л. 33-40 об.]. В других жалобах подвергались критике организация поиска беглых, прием их на службу, отказы в выдаче установленных и пр. Под давлением помещиков в 1682 г. был издан указ «О возвращении беглых людей и крестьян из Дворцовых и Украинских городов», которым регулировались сроки и порядок выдачи беглых. Однако, в отношении служилых людей из беглых было указано: «А которые беглые люди и крестьяне пришли на черту и в полковую и в копейную и в рейтарскую и в солдатскую и в го-

родовые службы написаны до разбору 183 (1675) году, и в тот разбор: и на тех людей в холопстве и в крестьянстве суда никому не давать и никакие волокиты им в том не чинить и быть им в тех городех в полковой и в городской службах по прежнему» [15, с. 489-490]. Аналогичным образом был решен вопрос и в отношении беглых крестьян поступивших в стрельцы. По Указу от 8 мая 1683 г. записанные в стрельцы до 3 мая 1681 г. выдаче помещикам не подлежали, так как "...служили они им, Великем Государем, многие годы, и были в полону, а иные раненные, и то они заслужили ранами своими и кровьюми" [15, с. 499]. В документах о сыске беглых крестьян за 1680-83 гг. имеется любопытная пометка одного из дьяков: "Белгородского и Тамбовского разрядов из службы во крестьянство отдавать не велено 189 (1681) году" [13, ст. 814, с.96, прим.3].

Для России 1660 гг. были не легкими. В боях в Украине полки Белгородского разряда несли большие потери, которые восполнялись и за счет гарнизонов. Тем не менее, правительство не смогло использовать стремившийся к военной службе крестьянский потенциал. Время от времени изымало ратников из беглых крестьян в пользу феодалов-крепостников, чем существенно

подрывалась боеспособность войск. Как видно, личные интересы у крепостников над государственными превалировали. Судя по всему, аналогичная ситуация имела место и в других южных городах.

Крестьянство не являлось единственным ресурсом пополнения гарнизонов. В первые годы после основания Козлова в полковые казаки записывалось много и выходцев из старинных служилых родов. Так, в Списке Д. М. Несвицкого (1651 и 1652 гг.), в Сметной книге В.Н. Лихорева (1657-1659 гг.), Сметном списке И.А. Вельяминова (1664-1665 гг.) в Полковой Пригородной и Заворонежской слободах среди казаков были известны Балакиревы, Бо(у)рдуковы, Булгаковы, Борисовы, Богдановы, Волковы, Вороновы, Голо(а)хтионовы, Долговы, Ивановы, Иевлевы, Кобузовы, Ланины, Марковы, Михайловы, Нечаевы, Остафьевы, Полубояриновы, Полянские, Поповы, Резановы, Сазоновы, Фроловы, Филатовы. Указанные фамилии в XVII в. были распространены среди рязанского служилого дворянства, которое «поставило» в Козлов наибольшее число представителей своей корпорации. Указанный перечень далеко не полный. Среди полковых казаков встречаются дворянские фамилии из других уездов. Например, служивший в 1650 г. пя-

тидесятником полковых казаков Данила Саломахин происходил из рода детей боярских, служивших в Усмани и других городах. Инициаторы отселения в 1676 г. полковых казаков Полковой Пригородной слободы в с. Кочетовку на р. Турмасовку Елисейка Угримов и Ивашка Чепелев являлись носителями фамилий старинных дворянских родов Тулы и Воронежа. Помимо полковых казаков, перечисленные дворянские фамилии встречаются среди стрельцов, детей боярских. Как уже указывалось, при отсутствии четких социальных граней в среде служилых людей нижних разрядов, борьба за источники существования, подталкивали их к службе «не по чину». Например, по состоянию на 1651-52 гг. представители рода Нечаевых несли службу в Козловском уезде детьми боярскими в селах Чурюково, Дегтяном, Малые Пупки, Истобном, Слободском, Борецком, деревне Ламовской, поместными атаманами в Хмелевской слободе, полковыми казаками в Полковой Пригородной, Заворонежской слободах. Причем, в последней поселились сразу две многочисленные семьи - Лариона Калинина и Василия Егупова Нечаевых [18].

По-разному сложились судьбы полковых казаков дворянского происхождения. Большинство из них,

прослужив некоторое время полковыми казаками, возвратились в свое прежнее состояние. Например, служившие полковыми казаками елецкий сын боярский С.Ю. Резанцов и сын боярский Д.М. Сидорцов (место выхода?) перевелись в дети боярские в течение первого года службы [21, л. 180-181]. Как и большинство других, пожалованных поместьями и денежными окладами, закрепились в местной служилой корпорации детей боярских.

Некоторые возвратились в родные края. В 1648 г. полковой казак Полковой Пригородной слободы из рязанского дворянского рода Левашовых Левашов Степан передал свое казачье место и ружье поступившему на службу Павлику Иванову с. Нечаеву с семилетним сыном Фелимошкой. В каких отношениях находились рода Левашовых и Нечаевых, не известно. Однако, в с. Пронеск на реке Сошке Каменского стана Ряжского уезда поместья тех и других располагались по соседству [3]. Сведений о получении С. Левашовым в Козловском уезде земель нет. После верстания в дети боярские Степан в Козлове жить не стал. Отбыл в свое родовое гнездо возле Гремячего острога (на юге Рязанских земель), где проживали его мать, родственники, там же у него имелась деревня крепостных крестьян.

Через восемь лет, бывший козловский полковой казак С. Левашов стал известен по документам в истории ложной тревоги о набеге татар (5, с. 294-296).

Козловским стрелецким и казачьим головой Ф. Курасовым в 1673 г. был записан в полковые казаки Василий Еремеев с. Нечаев. Проживая в Кочетовской слободе, Василий в 1677 г. обменялся землей и службой с многодетным стрельцом Т.Т. Щербаковым. Поскольку казачий надел по размерам был больше, предположительно получил доплату. После сделки В.Е. Нечаев среди козловских служилых людей уже не упоминается. В августе 1683 г. в Пехлецком стане Рязанского уезда между помещиками была поделена «отписная» (обращенная в государственную) земля боярина М.А. Голицына. Среди получивших землю упомянут и Василий [19]. В ходе петровских реформ полковые казаки дворянского происхождения в основном попали в однодворцы.

Помимо выходцев из крестьян и дворянских родов личный состав козловских полковых казаков комплектовался сходцами из соседних уездов, черкасами (выходцами с Украины), переведенцами из других служб, ссыльными. Например, во второй год строительства Козлова в полковые казаки были записаны

Сергей Павлов, Корней Малахов, Мирон Скоробогатово. По месту выхода они числились полковыми казаками [12, ст. 103, с. 119]. Служба в полковых казаках была престижнее стрелецкой. Переходы стрельцов в полковые казаки было явлением распространенным. В 171 (1663) г. из стрельцов в полковые казаки записался Бориска Семенов с. Ананьин, позднее Сысойка Микитин с. Павлов [24]. В документах встречаются примеры переводов в полковые казаки из солдат. В связи с одиночеством по царскому указу и по подписной челобитной в полковые казаки был переведен Игнатко Иванов с. Замораев [26, л. 145 об.]. По Сметному списку И.Я. Вельяминова 1664-1665 гг. из ссыльных на службе в полковых казаках известны: Филка Алексеев с. Ширипонов, который «служил с пищалью своею, а государева ружья и денег на ружье ему не дано»; сосланный в 1650 г. из Москвы Васька Полоч; «ссыльный человек» Иевка Тимофеев с. Соколов. Примеров пополнения личного состава полковых казаков различным народом множество. Социальная база формирования полковых казаков была достаточно разнообразной.

Срок службы полковых казаков был не ограничен («пока мочно»). Для примера остановимся на «десят-

ке» десятника П.И. Нечаева. По состоянию на 1652 г. помимо него в данном подразделении состояли: О.В. Пьянков, Х.Л. Двойкин, П.О. Кузнецов, И. Клементьев, К.К. Масленников, Е.Г. Солодов, М.К. Скоробогатой, А.М. Кострикин. К 1659 г. в их среде произошли изменения. «Сошли из Козлова» полковые казаки О.В. Пьянков, К.К. Масленников. Их дальнейшая судьба не известна. В 1657 г. умер М.К. Скоробогатой. Поверстался в дети боярские И. Клементьев. Продолжили прежнюю службу: А.М. Кострикин, Х.Л. Двойкин, П.А. Кузнецов, Г. Солодов [25, л. 365-402].

Независимо от этнического происхождения и мест выхода полковые казаки в Козлове до петровских реформ являлись основным резервом пополнения корпорации детей боярских – однодворцев. Пополнение осуществлялось как путем верстания поместными и денежными окладами, так и через службу в полках нового строя: рейтарах, драгунах, солдатах, которые в XVII в. относились к служилым по отечеству. Некоторые верстаные полковые казаки продолжали казачью службу. Являясь поместными казаками, в лестнице чинов находились в одной группе с драгунами и солдатами, впереди стрельцов, пушкарей и прочих приборных чинов. К концу века прак-

тика верстания в дети боярские из казаков была прекращена. В Статьях "О разборе ратных всякого чина людей Белгородского полку" от 19 декабря 1694 г. было указано: "...стрелецких и казачьих и неслужилых никаких чинов людей детей и братью и племянников и пашенных мужиков и холопей боярских отнюдь ни кого с детьми боярскими не писать и поместьями и денежными оклады не верстать" [16, № 1502, с. 186-195].

Свое существование в Козлове полковые казаки фактически прекратили в первой четверти XVIII в. При воеводе Г.И. Волконском в 1704 г. они еще продолжали числиться. Их обязанности «...к урочищам ездить, и на смесных и на отъезжих на дальних на ближних сторожах стоять переменяясь"- сохранялись. Однако в "Генеральной, учиненной ис переписных книг, о числе мужского полу душ табели" 1738 г. по ним уже проставлен прочерк. В то время как в Тамбове находилось на службе 1123 городских казака [5, с. 45]. После известных стрелецких мятежей, посещения европейских стран в составе "Великого посольства", отношение Петра В. к стрельцам и другим служилым людям низших чинов кардинально изменилось. Доступ в нижние звенья служилого дворянства стрельцам, казакам и другим

служилым людям старых служб был перекрыт. Служилые казаки, не попавшие в однодворцы во время первой ревизии, остались вне сословия. Так, п. 9 Инструкции от 19 января 1731 года "О формировании в Украине 20 полков из прежних служб городовых дворян и прочих служилых людей, с представлением им прежних прав и преимуществ" в служилое население подлежали включению выходцы из оренбуржья: казаки, воротники, затинщики и прочие служилые люди, проживающие в бассейне р. Битюг воронежского края. Указанные переселенцы в правах и обязанностях были уравнены с местным служилым населением. Соответственно облагались и податями. Однако в этом же пункте оговаривалось, что в случае выявления среди них однодворцев, последние подлежали отдельному учету с предоставлением списка, указанием доказательств законности владения ими поместьями. То есть, правительство признавало казачество неоднородным в социальном отношении: выделяло в нем однодворцев казачьего происхождения и просто казаков [17, № 5673, с. 360-366]. К сословию однодворцев были отнесены потомки: казаков, верстанных поместными и денежными окладами, то есть, детей боярских; казаков, служивших в аноблированных солдатских, дра-

гунских и рейтарских полках; казаков, верстанных поместьями и денежными окладами, продолжавших нести казачью службу (поместные казаки). Представители перечисленных категорий до петровских реформ относились к служилым «по отечеству». Однако в силу бедности в российском благородном дворянстве из них закрепились не многие.

Таким образом, в социальном отношении состав козловских полковых казаков прибирался из представителей различных групп населения. Групповое соотношение зависело от военной обстановки и «нажима» на

правительство феодалов - крепостников. В первые годы после основания Козлова, в полковых казаках служили и выходцы из служилых дворянских родов. В середине века в полковые казаки записывалось много крестьян, в том числе крепостных. Несмотря на тяжелые потери русских войск в Украине, правительство, под давлением феодалов-крепостников не использовало стремившихся к военной службе крестьян. Возвращало ратников из крепостных феодалам, чем подрывалась боеспособность русских войск.

Список литературы:

1. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук под редакцией Н.А. Попова. Т.2. СПб. 1894.
2. Аракчеев В. А. Закрепощение крестьян в России в конце XVI - начале XVII века // Вопросы истории. 2009. № 1. С. 106-117.
3. Григоров А.И. Рязанские десяти 1648 г. Примечания Ч. I, II.
4. Загоровский В.П. Формирование и заселение Козловского уезда в XVII в. // Из истории Воронежского края. Воронеж: Изд-во ВГУ. 1969. С. 94-114.
5. И пыль веков от хартии отряхнув... Хрестоматия по истории Тамбовского края. Тамбов: Издательский центр ТГПИ, 1993. 388 с.
6. Ляпин Д.А. О записи крестьян в служилые люди крепостей Юга России в конце XVI века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. С.178-186.
7. Ляпин Д.А. На окраине царства: повседневная жизнь населения Юга России в XVII веке. СПб: ДМИТРИЙ БУЛАВИН, 2020. 416 с.
8. Мизис Ю.А. Город Козлов и Козловский уезд в XVII – первой половине XVIII века // Страницы истории земли козловской. Материалы к энциклопедии. Мичуринск. 2000 . С. 49-93.
9. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М. Изд-во АН СССР, 1948. 452 с.
10. Новохатко О.В. Разряд в 185 году. М.:Памятники исторической мысли, 2007.639 с.

11. ОдиБ МАМЮ. Кн.10. Книги Приказного стола.
12. ОдиБ МАМЮ. Кн. 15.
13. ОдиБ МАМЮ. Кн.16.
14. Петрухинцев Н.Н. Служилые люди по прибору южных городов и военная реформа Алексея Михайловича (на примере служилых «городов» Липецкого края // Гуманитарные исследования Центральной России. 2018. № 3. С.21-43.
15. ПСЗРИ. Т.2.
16. ПСЗРИ. Т. 3.
17. ПСЗРИ. Т.8.
18. РГАДА. Справка № 895 от. 07.09.2017 г.
19. РГАДА. Каталог писцовых книг русского государства. Вып. 6. Писцовые книги Рязанской и Нижегородской земли. М.: Памятники исторической мысли. 2018. № 362.
20. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-е. Д.1. 1636 г. Раздаточная книга денежного жалованья по г. Козлову И.В. Биркина.
21. РГАДА. Ф.210. Оп. 6-е. Д. 2. 1637 г. Десятня денежной раздачи козловским детям боярским и поместным атаманам И.В. Биркина и М. Спешнева.
22. РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола.
23. РГАДА. Ф. 210. Оп. 21 Д. 118.
24. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-е. Д. 15. Сметный список г. Козлова воеводы И.А. Вельяминова.
25. РГАДА. Ф.210. Оп. 21. Д. 118. Козлова города полковые казаки. Сметная книга воеводы В. Н. Лихарева. 1657-1659 гг.
26. РГАДА. Ф. 1129. Оп.2. Д.10. Разборные книги служилых людей Козловского уезда. 1669 г.
27. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1015.
28. РГАДА. Ф.1209. Поместный приказ, Столбцы вотчинной записки. № 18911/81.
29. Сергеевич В.И. Древности русского права в трех томах. Т. I. Территория и население. М. 2006. 456 с.

References

1. Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannye Imperatorskoj Akademiej nauk pod redakciej N.A. Popova. T.2. SPb. 1894.
2. Arakcheev V. A. Zakrepushchenie krest'yan v Rossii v konce XVI - nachale XVII veka // Voprosy istorii. 2009. № 1. S. 106-117.
3. Grigorov A.I. Ryazanskie desyatni 1648 g. Primechaniya Ch. I, II.
4. Zagorovskij V.P. Formirovanie i zaselenie Kozlovskogo uezda v XVII v. // Iz istorii Voronezhskogo kraja. Voronezh: Izd-vo VGU. 1969. S. 94-114.
5. I pyl' vekov ot hartii otryahnuv... Hrestomatiya po istorii Tambovskogo kraja. Tambov: Izdatel'skij centr TGPI, 1993. 388 s.
6. Lyapin D.A. O zapisi krest'yan v sluzhilye lyudi krepostej YUga Rossii v konce XVI veka // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2019. S.178-186.

7. Lyapin D.A. Na okraine carstva: povsednevnyaya zhizn' naseleniya YUga Rossii v XVII veke. SPb: DMITRIJ BULAVIN, 2020. 416 s.
8. Mizis YU.A. Gorod Kozlov i Kozlovskij uezd v XVII – pervoj polovine XVIII veka // Stranicy istorii zemli kozlovskoj. Materialy k enciklopedii. Michurinsk. 2000 . S. 49-93.
9. Novosel'skij A.A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v XVII veke. M. Izd-vo AN SSSR, 1948. 452 s.
10. Novohatko O.V. Razryad v 185 godu. M.:Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2007.639 s.
11. ODiB MAMYU. Kn.10. Knigi Prikaznogo stola.
12. ODiB MAMYU. Kn. 15.
13. ODiB MAMYU. Kn.16.
14. Petruhincev N.N. Sluzhilye lyudi po priboru yuzhnyh gorodov i voennaya reforma Alekseya Mihajlovicha (na primere sluzhilyh «gorodov» Lipeckogo kraja // Gumanitarnye issledovaniya Central'noj Rossii. 2018. № 3. S.21-43.
15. PSZRI. T.2.
16. PSZRI. T. 3.
17. PSZRI. T.8.
18. RGADA. Spravka № 895 ot. 07.09.2017 g.
19. RGADA. Katalog piscovyh knig russkogo gosudarstva. Vyp. 6. Piscovyje knigi Rjazanskoy i Nizhegorodskoj zemli. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 2018. № 362.
20. RGADA. F. 210. Op. 6-e. D.1. 1636 g. Razdatochnaya kniga denezhnogo zhalovan'ya po g. Kozlovu I.V. Birkina.
21. RGADA. F.210. Op. 6-e. D. 2. 1637 g. Desyatnyaya denezhnoj razdachi kozlovskim detyam boyarskim i pomestnym atamanam I.V. Birkina i M. Speshneva.
22. RGADA. F.210. Stolbcy Prikaznogo stola.
23. RGADA. F. 210. Op. 21 D. 118.
24. RGADA. F. 210. Op. 6-e. D. 15. Smetnyj spisok g. Kozlova voevody I.A. Vel'yaminova.
25. RGADA. F.210. Op. 21. D. 118. Kozlova goroda polkovye kazaki. Smetnaya kniga voevody V. N. Lihareva. 1657-1659 gg.
26. RGADA. F. 1129. Op.2. D.10. Razbornye knigi sluzhilyh lyudej Kozlovskogo uezda. 1669 g.
27. RGADA. F. 1209. Op. 1. Kn. 1015.
28. RGADA. F.1209. Pomestnyj prikaz, Stolbcy votchinnoj zapiski. № 18911/81.
29. Sergeevich V.I. Drevnosti russkogo prava v trekh tomah. T. I. Territoriya i naselenie. M. 2006. 456 s.